

Сергей Захаров

“Ты становишься у зеркала и думаешь, что вроде уже всего добился: есть деньги, звания, награды. Но для чего ты живешь, в чем смысл? И тогда невольно начинаешь прислушиваться к идеям и мыслям предыдущих поколений, которыми, возможно, пренебрегал”.

Найдутся сотни примеров, когда питерские артисты уезжают в Москву в поисках счастья в работе и личной жизни, но так редко кто-то совершает обратный путь. А вот когда-то молодой баритон Сергей Захаров, обласканный вниманием легендарного Леонида Осиповича Утесова, пригласившего певца в свой Госоркестр, неожиданно для всех “рванул” из Первопрестольной в город на Неве. И не только потому, что его семье дали служебную площадь, а больше оттого, что певца позвал сам Илья Рахлин в тогда блистательный Ленинградский мюзик-холл. За последующие тридцать лет у Захарова было великое множество причин и возможностей вернуться в Москву “на коне” (обзаведясь там самой престижной жилплощадью и вниманием столичных властей!), но он не изменил Питеру, став одним из символов культуры великого города.

В молодые годы популярность Захарова была столь горяча, что он решил остудить сам член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Ленинградского обкома партии Григорий Романов. С его подачи был спровоцирован конфликт, когда певца хитроумно вынудили ввязаться в драку с администратором Мюзик-холла, после чего это внешне тривиальное дело было раздуто до городских масштабов. И певец отправился тогда не за лавровым венком на конкурс в Буэнос-Айрес, а в Сланцы, “на химию”, где артиста научили клеить картонные коробки для школьных мелков.

После таких нокдаунов редко кто поднимался, но Захаров вернулся на Олимп, став народным артистом России, причем не с помощью Мюзик-холла или “Ленконцерта”, а исключительно благодаря своему таланту, трудолюбию и еще какому-то удивительному осознанию своей особой миссии в искусстве. Некоторые, ошибаясь, принимали это за подчеркнутую гордость, заносчивость и даже самовлюбленность. Но в отличие от большинства тусовочных героев нашей эстрады Сергей всегда знал себе настоящую цену, а не накручивал ее всяческими пиаровскими штучками. Даже самые большие его недруги не могли отказать певцу в наличии сильного голоса, высокой вокальной культуры, вкуса и яркой внешности. Что уж говорить о поклонниках и особенно поклонниках, которые до сих пор боготворят своего кумира, хотя тот нынче редко мелькает на телеэкране.

Как бы ни складывалась его карьера, в семейной жизни у Захарова все было на зависть удачно. Преданная красавица жена Алла, с которой они знакомы чуть ли не со школьных лет. Любимая дочь Наташа и обожаемые внуки Стася и Ян. Загородный дом под Зеленогорском, нешу-

точное и процветающее фермерское хозяйство, несколько машин, студия звукозаписи в Петербурге...

В этой студии на берегу залива Сергей Георгиевич и встретил корреспондента “Смены” (к слову, газеты, подписчиком которой артист и его семья являются многие годы).

- Студия оборудована по последнему слову техники. Она моя и работает только на меня, других артистов здесь не бывает. Для меня студия - отрада в жизни. Иначе бы не удалось записать и выпустить за последние два года семь компакт-дисков.

- Это не переиздание старых записей?

- Нет, сто часов новой музыки.

- Тогда это рекорд России, а может быть, и мира: семь новых компакт-дисков за два года! Правда, не очень понятно: зачем так много новых альбомов?

- Есть спрос - и в России, и на Западе. Но главное - это делается для потомков, для истории. Романсы, арии из опер, народные песни... Самый новый диск - “Выхожу один я на дорогу”.

- Приятно, хотя и несколько неожиданно слышать: “Работаю для потомков, для истории!” Вот это размах!

- Надо отдавать себе отчет, что искусство переходного периода сиюминутно, если не сказать - сиюсекундно...

- Сколько уже длится этот переходный период?

- С 1985 года и, скорей всего, затянется еще лет на сорок. Как бы то ни было, в определенный период жизни понимаешь, что сиюминутные радости на самом деле не имеют большого значения для твоих внуков, правнуков. Большое видится на расстоянии. Сколько бы перемены ни случалось в нашем Отечестве, все равно все вернется на круги своя и с точки зрения истории останутся какие-то эпо-

Фото Славы Гурецкого

хальные вещи. Так, в политике останется Горбачев, совершивший интеграцию в мировую культуру, а уже Ельцин - маловероятно...

- А если спуститься с высот политики в мир музыки...

- Та же история: свою собственную культуру нам нужно ощущать в контексте общемировом, и только тогда сможем точно определить свое место в культуре. Сейчас, может быть, это никому не нужно, но пройдет время, придут новые поколения и вспомнят о тех, кто работал не за страх, не за деньги, а за дело - для того чтобы углубить и увеличить культурное наследие своего народа.

- Все понятно, но так трудно затормозить в потоке сиюсекундных хлопот и подумать о главном, о вечном...

- Ты становишься у зеркала и думаешь, что вроде уже всего добился: есть деньги, звания, награды, квартиры, машины, загородные дома. Но для чего ты живешь, в чем смысл? И тогда невольно начинаешь прислушиваться к идеям и мыслям предыдущих поколений, которыми, возможно, пренебрегал. Вспоминаешь людей, что говорили тебе мудрые вещи в начале твоего пути...

- Для юного певца Захарова таким учителем был великий Леонид Утесов, взявший вас в свой оркестр...

- И еще Илья Яковлевич Рахлин (художественный руководитель Санкт-Петербургского мюзик-холла, ушедший из жизни минувшим летом. - Прим. авт.) - совершенно удивительный человек, отдававший себя без остатка сцене, искусству, своим

ученикам. То, что делал Рахлин, - просто подвиг для петербургского артиста.

Дело в том, что питерские артисты в отличие от московских находятся не то что в угнетенном, а в пренебрежительном положении. К сожалению, власти нашего города не знают великой культуры, не хотят знать и не думают о преемственности поколений. Они целиком поглощены своими личными интересами.

Это касается не только смутных нынешних времен. Так и раньше было. Недаром уезжали в Москву Аркадий Райкин, Татьяна Доронина, Олег Борисов...

- Но Сергей Захаров-то не уехал...

- Я там в основном работаю, и меня многие считают московским артистом. Но дело не во

20.12.2002

Захаров Сергей

18/98

В своей профессии идет напролом

мне. Я бы вообще хотел вычеркнуть из истории культуры Петербурга последние восемьдесят - девяносто лет и оставить прямой переход из 1914-го в 2002 год. Мне очень грустно и больно за мой город, в котором прервана преемственность поколений...

- В Москве как складываются ваши отношения с градоначальниками?

- Я чувствую их поддержку, чего не ощущаю в родном городе ни я, ни большинство других артистов. За восемь последних лет я дал сотни концертов в Москве и единицы в Петербурге. Дело вовсе не в том, что все деньги нынче в Москве. Даже на Днях города или каких-то концертах, связанных с историей Петербурга, работают в основном московские звезды. Почему? Да потому, что власти Петербурга не поддерживают своих артистов. Нет у них такого желания, стремления.

Хотя, по большому счету, я не могу сказать, что меня эта ситуация невнимания сковывает по рукам и ногам, портит жизнь. Того, кто работает на историю, не волнует слава, популярность, толпы почитателей, подбрасывающих в воздух кумира. Я ищу вдохновения, а не восторг. Работаю на соприкосновение вдохновения и признания публики.

- Кто сегодня ваш зритель?

- Интеллигенция. Эти люди, как говорится, не у руля. Недавно я дал трехчасовой концерт в Москве, в Политехническом институте. Работал за идею, сказав организаторам: "Назначайте любые цены на билеты, мне не нужно ни копейки!" Зато сколько слов благодарности, слез, добра получил в этот вечер из зала! А я ведь работал в свое удовольствие, себя не ломал...

- Ну а часто приходится ломать себя в угоду сиюминутным интересам публики?

- Выхожу, допустим, в зал крупного алюминиевого или металлургического комбината, и мне приходится в чем-то подстраивать себя под их вкусы, исполнять больше танцевальной музыки, шансонной. Это логично: не публика в этой ситуации на меня идет, а я пришел к ней. Когда же идут на меня, то пою только свое, только то, что мне близко, дорого. И ничего, выдерживаю два сольных концерта в "России", в зале Чайковского, в "Октябрьском"... Причем там тоже вопрос гонорара меня не волнует. Я выхожу на эти сцены, пою для людей, которые идут именно на Захарова, - для меня это уже огромное удовольствие, не сравнимое с деньгами.

- Как вы считаете: Захарова сегодня мало на ТВ-экране?

- Я не стремлюсь на телевидение любыми путями, отказываюсь от всяких тусовочных ТВ-шоу, где артисты бегут с собаками, рассказывают о косметике и нижнем белье. Другое дело сольный живой концерт в эфире одного из центральных каналов. Там ты один на один со зрителем, отвечаешь сам за себя. Но даже за такой эфир я ничего не плачу телевидению.

- Почему же народ продолжает исправно ходить на ваши концерты?

- Может быть, потому, что запретный плод сладок. Зрителю хочется видеть в зале то, чего он не видит по ТВ. Зачем, спрашивается, идти на концерт артиста, когда он и так каждый день мелькает на ТВ?

- В России все понятия перевернуты...

- Что касается моих сольных концертов, то позвольте, Миша, вас уверить, что за последние десять лет у меня не было ни одного афишного концерта, который бы прошел без аншлага.

Дело не во мне, а в тех идеях, которые я проповедую. Я могу быть гораздо хуже, чем мой герой, и это, наверное, так и есть, но идея, которую я воспринял и проповедую, не может не вдохновлять. Потому что это глубоко человеческая идея.

Если взять постсоветское пространство, то нас около 250 миллионов, из которых как минимум 50 исповедуют то верование и те убеждения, которые исповедую я. Многие просто вынуждены в силу своих занятий, своей профессии быть гибкими. Я же иду напролом в своей профессии. Я имею роскошь не идти на поводу у сегодняшнего дня. И это очень ценная возможность существования вне времени.

Когда же артист выходит на сцену, чтобы прославить самого себя, на этом все кончается.

- Как же тогда быть с тезисом Филиппа Киркорова, что артист первым делом должен полюбить себя сам, а тогда уже его полюбит публика?..

- Этот тезис - глубокое заблуждение, и, скорей всего, Филипп об этом знает. Он ведь очень умный, начитанный человек, и как абсолютно точно он выверил свое появление на российской эстраде.

- Так должен артист сам себя любить?

- Думаю, нет. С любви к себе ничего хорошего не начинается. Какие же чувства должен испытывать артист к себе?

- Трепетное отношение к дару, который тебе был послан волею судьбы и никакого отношения к тебе лично не имеет.

- Но разве это не есть любовь?

- Нет, это ответственность перед Господом, тем, кто послал тебе этот дар. Ответственность, которую должен отработать, оправдать всей своей жизнью.

- Сергей, как вам удается в свои 52 года выглядеть на 40?

- Чтобы сохранить "товарный вид", мне приходится ежедневно вставать утром в 7.50, бежать с моим Султаном (кавказской овчаркой... Прим. авт.) два километра, делать активную зарядку в холодном помещении, принимать ледяной душ, делать массаж всевозможными острыми предметами...

- Вилками, ножами?..

- Есть же специальные приспособления... Затем я иду домой, где жена меня кормит только той пищей, которая мне нужна. Существует так называемый гематокод, по которому определяется, какие продукты принимает твоя кровь, а какие нежелательны.

- В 1996 году вы пережили состояние клинической смерти. Было страшно?

- Совсем не страшно. Сейчас тебе кажется, что ты уйдешь и после тебя ничего не будет. Но

когда начинаешь умирать, то понимаешь, что перед тобой открывается огромное пространство и ты уходишь в мироздание. Твой кусочек, твой интеллект, все, что ты выпит от друзей, от публики, от чтения, от своей собственной эволюции, - все не пропадает зря. Единственная мысль: все, что ты накопил за свое время, уходит в общую вселенскую базу данных. Ты уходишь с удовольствием, с радостью, ты выполнил свою миссию на этой земле, и дальше тебя ждут много-много жизней в разных ипостасях. Это не темнота, это - продолжение...

- И все это вы рассказываете не с чьих-то слов, а пережили сами?

- Да, конечно, в городе Миассе Челябинской области. Я бы там и остался, если бы меня не вытащил ездивший со мной администратор, у которого до приезда "скорой помощи" нашелся нитроглицерин-спрей. Он вернул мою душу в тело, хотя я не хотел этого...

- Я что-то не понял: вы не цеплялись за жизнь?!

- Я бы с огромным удовольствием ушел. Но если уж человек отсюда возвращается, то всегда задумывается: почему это случилось, почему с тобой в тот момент оказались именно эти люди?..

- Случайность!

- Там было слишком много случайностей. И вообще это могло случиться в самолете, в машине во время длительного переезда. Но все произошло по-другому, и, значит, кто-то дал тебе шанс понять, что есть главное в этом мире. Важна не эта жизнь, она - только подготовка к той, которая тебя ждет вне земли.

Когда я сверху смотрел на свое тело, мне было совершенно неинтересно. Оно было для меня абсолютно чужим.

Все очень просто. Нужно четко представлять, что твоё тело, физическое и моральное состояние предназначены только для одного: поддерживать ту идею, которая была сверху внедрена в твоё сознание. Если мне "внедрено" петь, а вам, Миша, писать, то нужно этим заниматься, чтобы оправдывать свое существование. Сам человек здесь ни при чем - это дар Божий. А когда ты выходишь к людям: "Вот, смотрите, какой я!", то это ненадолго, потому что кончаются силы, молодость, деньги, которые тебя поддерживают, и ты остаешься ни с чем. Ты стоишь в пустыне: без идеи, без мысли, без знаний... Один, никому не нужный.

- Приблизилась ли к реализации ваша давняя мечта - петь в опере?

- Записываю диск с оперными партиями. Опера - моя любовь, которая не проходит и не пройдет никогда. Хочу, чтобы вы меня правильно поняли: у меня нет ни технических, ни нравственных, ни теоретических препятствий, чтобы петь в опере...

- Еще бы, огромный голос, с огромным диапазоном! Только на оперную сцену вы не выходите, хотя давно говорите о таком своем стремлении...

- Я не могу попадать под чужое влияние, а опера - это воля дирижера, режиссера, твоих партнеров. От всех зависишь, не можешь подчинить себе это коллективное действо. Пока я не мо-

гу разрешить это противоречие.

- Как вы расцениваете феерический взлет Николая Баскова?

- Как огромные успехи шоу-бизнеса и огромную роль денег. Мы с Колей дружим, но это не значит, что я в восторге от его искусства. Очень симпатичный, приятный молодой человек, но он играет роль, которая ему уготована большим шоу-бизнесом.

- Высокое искусство здесь ни при чем?

- Это высокое искусство, но в шоу-бизнесе (улыбается).

- Сергей, вы в хорошем смысле очень правильный человек. Почему у такого правильного человека так непросто складывалась жизнь? Вы даже в местах не столь отдаленных умудрились побывать...

- В разные периоды времени сильные мира сего, к которым я никогда не стремился, пытались всяческими путями дать понять мне, что есть кто.

- В нескольких статьях я прочитал, что в молодости Захаров попал за решетку из-за мести высокопоставленного партийного босса Григория Романова, который якобы пристраивал молодого кумира к певице Людмиле Сенчиной... Неужели сам Романов признался вам в содеянном?

- Да. Это было в Москве, в конце 90-х, во Дворце профсоюзов, на собрании ленинградского землячества, где я давал сольный концерт. Романов подошел к сцене и сказал, что он гордится тем, что дал этому артисту понять, что есть кто в этом мире...

- После такого признания последние сомнения о причастности бывшего первого секретаря Ленинградского обкома к той некрасивой истории отпали...

- Сомнений не было и до того. Вообще могу совершенно точно сказать, что люди разделяются на две категории: "минус" и "плюс". Они бывают одинаково талантливы, умны и прочее. Романов и я же с ним - это люди со знаком "минус". Григорий Васильевич при всех его талантах был создан не на пользу человечеству, а супротив этому.

- Интересно, сам человек решает, с каким знаком ему быть?

- За него все решено. Он призван к этому, причем не компартией, а где-то гораздо выше. Он создан противоречием людям со знаком "плюс".

- Мне понравилось высказывание Андрона Михалкова-Кончаловского, что добрым человеком быть очень и очень трудно. Если бы это было легко, то все были бы добрыми. Видимо, и правильным человеком быть так нелегко...

- Трудно не подчиниться соблазну. Дьявол все время караулит тебя, сидит то слева, то справа и шепчет: "Сделай так, как я сказал, и тебе станет легче". Отдаваться пороку - это зачастую мгновение, сладкое и интересное.

Думаете, мне приятно вставать каждое утро, бежать, обливаясь ледяной водой? Но я это делаю для того, чтобы мое тело не дало сбой, не подбросило мне неожиданный сюрприз, чтобы я мог решать свои проблемы вне зависимости от тела...

Но все же самое главное - постараться выбросить из своей жизни вопрос сиюминутности. Да, я даю концерты, зарабатываю, поддерживаю свое тело и

свою семью, но мой мозг по-христиански мне говорит, что быть бессребреником - самое святое дело. Но мы должны держать баланс, коль тело требует одного, а сознание и мозг - другого. Ты можешь в иной жизни перейти в другие тела, например стать деревом, но все равно будешь расти и пользоваться благами мироздания.

- Сергей Георгиевич, наверняка вам не раз доводилось беседовать на эти темы со своими коллегами по эстраде. Кто-то из артистов разделяет ваши взгляды, пытается творить и жить так же?

- Пожалуй, нет. Лариса Долдина разделяет, хотя ее в творчестве и в жизни тоже раздражают противоречия.

- Обладая собственной студией, собираетесь ли заново переписать, переаранжировать свои старые записи, чтобы оставить их для истории в достойном цифровом качестве?

- Я уже выпустил альбом "Трилогия" из трех компакт-дисков, куда попытался вписать эстрадные песни, хотя, честно говоря, сейчас терпеть их не могу. Тем не менее альбом вышел и включил в себя около 60 песен. Там много всяческой ерунды, но это тоже моя история. Я не собираюсь ломать памятники и переименовывать города.

- Желание покорить новое поколение зрителей вас не мучит?

- А это невозможно! Я ведь принадлежу к другому поколению.

- Вы обмолвились о ныне ненавистной вам эстраде, но я читал во многих ваших интервью, что Захаров с гордостью причисляет себя к когорте певцов классической эстрады, таких, как Иосиф Кобзон, Муслим Магомаев, Юрий Гуляев, Эдуард Хиль...

- Нынешняя эстрада не только не выдерживает никакой критики, но противна нашему существу...

- Согласен. Но то, что вы называете современной эстрадой, даже другой термин получило - попса...

- Дело не в терминах, а в продажности, доведенной до абсурда.

- Вы ведь тоже в свое время записали столько песен-однодневок!

- Собрав в один альбом свои эстрадные опусы, я пережил чувство обиды: сколько сил, энергии, любви в свое время было отдано мной этим песням, но эти однодневки не стоили того, чтобы так растрачивать себя! "Луна, солнце, любви меня, любви тебя..." - это не самые существенные темы.

Главные же проблемы: смысл жизни, зачем живешь, что делаешь, чтобы поставить себя на нужный уровень, соответствующий твоему предназначению...

- Большинство людей, дожив до седых волос, по-прежнему бегут от этих жгучих вопросов, не хотят и не могут ответить что-то вразумительное.

- Я совершенно четко знаю: живу для того, чтобы то, что мне дано свыше, развить и передать дальше. И за мной встанут еще более талантливые люди, которые будут продолжать эту историю.

Михаил САДЧИКОВ